

О ВЕРХОВЕНСТВЕ ПРАВА И О РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

Е.А. Лукьянова

*Национальный исследовательский университет —
Высшая школа экономики*

Аннотация: Автор анализирует особенности российской школы права, в частности, рассматривая разницу в интерпретации понятий «верховенство права» и «правовое государство», различия в менталитете юристов и специфику отбора специалистов в компетентные государственные органы. В качестве примера разницы в интерпретациях автор подробно анализирует Постановление Конституционного суда Российской Федерации о проверке конституционности договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии Республики Крым в Российскую Федерацию и образовании в составе последней новых субъектов.

Ключевые слова: верховенство права, правовое государство, понятие права, гражданское общество, внешняя политика России, российско-украинские отношения, присоединение Крыма к России.

К сожалению, в истории обычно остаётся приговор истории, а не приговор права. Тем важнее вовремя проанализировать события на предмет их «правовой чистоты». Чтобы дать возможность потомкам в обстоятельствах другой правовой реальности войти не в закрытую, а лишь в полуприкрытую дверь нового международного доверия.

Часть 1. Право и его верховенство как яблоко раздора

Комментируя высказывания президента России Владимира Путина по поводу Украины, президент США Барак Обама сказал: «У президента Путина, вероятно, другой набор юристов. Может быть, у него другой набор интерпретаций» [Обама прокомментировал... 2014]. Надо отметить, что Обама был весьма деликатен. Канцлер ФРГ Ангела Меркель, выступая перед членами Бундестага, высказалась жёстче: «Россия во время кризиса на Украине дей-

ствовала по закону джунглей, актуальному для XIX–XX веков» [Меркель... 2014]. Что это? Происки врагов? Нападки геополитических конкурентов, стремящихся к мировому господству? Но ведь до этого сотрудничество хотя и было непростым, но не предполагало таких срывов. Неужели дело действительно в праве? Попробуем разобраться.

О разнице в интерпретациях

Право. Российские юристы действительно иначе, нежели их европейские и американские коллеги, понимают право. На вопрос о том, что такое право, большинство из них (тех, кто имеет высшее юридическое образование) ответит, что это совокупность санкционированных государством правил поведения, нарушение или неисполнение которых влечёт за собой применение юридической ответственности. Но мало кто при этом уточнит, что есть ещё целый набор требований к содержанию и форме этих правил, к тому, как они формулируются, каким образом принимаются и — главное — как работают.

Это связано с тем, что в России начиная с последних десятилетий XIX в. и до 20-х годов XX активно разрабатывалась позитивная теория права в её юридическом, социологическом и психологическом вариантах. Е.В. Васьковский, М.Н. Гернет, С.К. Гогель, Д.Д. Гримм, Д.А. Дриль, А.А. Жижиленко, М.Н. Капустин, М.М. Ковалевский, Н.М. Коркунов, С.А. Муромцев, Н.А. Неклюдов, Н.И. Палиенко, С.В. Пахман, Л.И. Петражицкий, А.А. Пионтковский, С.В. Познышев, П.А. Сорокин, И.Я. Фойницкий, Г.Ф. Шершеневич — вот далеко не полный перечень российских учёных, которые внесли заметный вклад в её развитие. Тогда это были новые идеи, имевшие западноевропейские корни, а правовой позитивизм, описывающий и систематизирующий законы, был мировым трендом.

За прошедшие полтора века взгляды на государство и право в мире сильно изменились. Возобладал естественно-правовой подход, убеждённость в том, что помимо права, создаваемого государством, существует ещё «естественное право», имеющее большую силу, чем позитивное. Оно включает в себя представления о справедливости и общем благе, социальные институты, защищающие свободные обмены и позволяющие пресекать агрессивное насилие. В России же, увы, произошла консервация позитивизма: авторитарной советской власти позитивный подход к праву был выгоден, и советские учёные, отвергая враждебные «буржуазные» исследования, продолжали отстаивать постулаты позитивистской теории права [Зорькин 1978]. В итоге единственным научным содержанием права стало изучение законов, а юриспруденцию подменили легистикой.

По наследству от СССР традиции юридического позитивизма образца столетней давности перешли к современной России. Заняв господствующее положение в правоведении, они тем не менее оказались не единственными. В нашей науке есть много современного и интересного. Например, либертатно-юридическая концепция философии права академика В.С. Нерсисянца, теория правового регулирования академика Ю.А. Тихомирова, институциональная теория права профессора В.А. Четвернина, которые позволяют исследовать право не только как официальные тексты, но и как реально действующие нормы, т. е. как феномен социальной жизни, социальных коммуникаций [Нерсисянец 2002; Тихомиров 2010; Четвернин 2009]. Но в целом российская юридическая наука и школа, готовящая специалистов для судебной и правоохранительной деятельности, такими сложными категориями не оперируют. Они не рассматривают право как сложную социально-политическую дисциплину с огромным количеством неотъемлемых друг от друга тонких внутренних взаимосвязей и взаимозависимостей.

Российская юриспруденция декларирует, что материальным источником права является жизнь. При этом, противореча сама себе, единственными и достоверными считает источники формальные. У нас до сих пор с удовольствием цитируют слова замечательного русского философа права второй половины XIX в. Н.М. Коркунова: «Право не может быть мерилем для

оценки интересов в свете добра и зла. Оно лишь определяет границы осуществления интересов и устанавливает определённые права и обязанности субъектов отношений» [Коркунов 1898: 59]. Кстати, англичане давно уже не употребляют термин «право» в чистом виде. В их юридическом дискурсе оно называется «law and morality» (право и мораль).

Верховенство права. Присоединение России к Европейской конвенции «О защите прав человека и основных свобод» (1998) внесло в официальную юридическую лексику огромное количество новых, не свойственных ей раньше понятий, таких, например, как жертва нарушения прав и свобод, свободные и справедливые выборы, приоритет ценностей и многие другие. Практикующим юристам (включая преподавателей правовых дисциплин) даже выучить всю эту новую терминологию было очень непросто. Ещё более сложной задачей оказалось осознать её сущность, т. е. овладеть всем багажом знаний, мыслей, гипотез и их доказательств, который на протяжении длительного времени нарабатывался учёными разных стран для создания единого приемлемого межконтинентального правового режима. К тому же начало процесса имплементации европейского права в России совпало с масштабной правовой реформой. Объем новых материальных и процессуальных правовых норм был так велик, что юристам было не до высоких смыслов и изысканий европейских учёных.

Самым сложным для российского восприятия оказался термин «верховенство права». Его попытались перевести дословно и... получилось «верховенство закона». Потому что словосочетание «rule of law», которым в английском языке обозначается верховенство права, при не очень профессиональном подходе переводится на русский и как верховенство права, и как верховенство закона. Но в английском «law» означает, скорее, не форму и не текст нормативного правового акта, принятого парламентом, а некое особое правовое предписание, отличающееся высшим смыслом. А это не совсем соответствует русскому слову закон с формальной точки зрения. Английское «law» вообще неаутентично слову «право» в его российском понимании и переводить его как «право» нельзя. «Право» — это «right».

В итоге английское «rule of law» и его русский перевод — это совершенно разные философские понятия. Верховенство права на Западе помимо строгого соблюдения закона, юридической силы и иерархии нормативных актов, в первую очередь, означает верховенство смыслов. В России же оно трактуется как верховенство буквы закона. В докладе Венецианской комиссии «О верховенстве права» разнице между понятиями «верховенство права» и «верховенство закона» уделено специальное внимание. «В недавнем прошлом, — говорится в нем, — суть верховенства права в некоторых странах была искажена до того, что она стала равнозначной таким понятиям, как „верховенство закона“ („rule by law“) или „управление на основе законодательства“ („rule by the law“), или даже „закон на основе норм“ („law by rules“). Такие формы толкования позволяют оправдать авторитарные действия правительства и не отражают истинного значения понятия „верховенство права“» [Доклад... 2011: 7].

Правовое государство. Ещё большую путаницу в российскую трактовку¹ принципа верховенства права внёс закреплённый Конституцией России термин «правовое государство», который является континентальной альтернативой англосаксонского «верховенства права»². Однако за 20 лет в России так и «не сложилось того единства, которое позволило бы

¹ Российские авторы невольно идут за англоязычными правовыми философами, которые понятие «государство» («state») используют в основном применительно к международному праву, а рассуждая о внутренней правовой системе, используют термин «government», обычно переводимый на русский как «правительство». Термин «state» используют чаще всего в юридическом «американском английском» языке в значении «правовой статус», затем «штат» — субъект федерации в США и реже — как «государство» в нашем смысле этого слова. В связи с этим возникает непонимание при переводах, искажающее различие между доктриной российского правового государства из Конституции РФ и немецкого кантовского «Rechtsstaat» из Конституции Германии, с одной стороны, и англо-американской доктриной верховенства права — с другой.

² Концепции *Rechtsstaat* (правового государства) и *верховенства права* отличаются по двум пунктам: 1) англо-американская традиция не считает, что право может быть сведено к логической системе, контролируемой

говорить о наличии в российской юридической науке общепризнанной доктрины правового государства» [Зорькин 2011: 52–53]

Да, не сложилось и не могло сложиться. Потому что все определения российских учебников, из которых следует, что государство является формой организации общества, устарели. Они неверны по отношению к любому современному государству и вдвойне неверны по отношению к государству правовому. Для объяснения его природы не пригодны повсеместно распространённые определения вроде: «Государство — это политическая организация общества, которая распространяет свою власть на всю территорию страны и её население, располагает для этого специальным аппаратом управления, издаёт обязательные для всех веления и обладает суверенитетом». Правовое государство может быть определено не само по себе, а через его взаимоотношения с гражданским обществом, без которого не способно существовать, так же как и гражданское общество не может полномасштабно развиваться, если государство не является правовым [Баренбойм 2011].

Итак, одни трактовки устарели, других не сложилось, а о третьих так и не договорились. А ведь это не просто определения, но совершенно иная политико-юридическая модель взаимоотношений государства и общества, на которой основываются правовое сознание и правовое поведение. Получается, что Россия живёт в другом правовом измерении, нежели большинство современных государств. Тонкий юрист-конституционалист 44-й президент США Барак Хусейн Обама в одной фразе сумел выразить суть проблемы, которая однажды вырвалась за пределы научной дискуссии и в конкретно сложившейся ситуации привела к жёсткому разногласию. Говоря, вроде бы об одном и том же, мы вкладываем в слова совершенно разный смысл. Поэтому не понимаем друг друга.

О разных юристах

Юристы в России тоже отличаются от своих зарубежных коллег. Конечно, не все. В моей стране много высокопрофессиональных независимых экспертов в области права. Но они, как правило, отстранены от принятия государственно-властных решений, потому что в течение 20 лет государство отбирало для себя таких юридических исполнителей, которые были ему удобны. Остальные тем или иным способом постепенно выводились за рамки государственной юридической деятельности. В итоге сформировалось два юридических сообщества, которые говорят на совершенно разных языках и оперируют различными юридическими конструкциями. Одно по преимуществу составляют чиновники «от юриспруденции», судьи и парламентарии, члены избирательных комиссий и сотрудники правоохранительных органов. Другое — адвокаты, правозащитники и независимые учёные.

На международном симпозиуме «Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире», проходившем в Конституционном Суде России в октябре 2013 г., президент Американской ассоциации юристов Джеймс Силкинат назвал четыре универсальных требования, необходимых для функционирования системы, обеспечивающей реализацию принципа верховенства права. А именно:

- 1) государственный аппарат, его должностные лица и официальные представители подчиняются праву;
- 2) нормативные правовые акты являются ясными и определёнными, официально публикуются, отвечают требованиям стабильности и справедливости и направлены на обеспечение и защиту основных прав, в том числе на защиту личности и собственности;
- 3) процесс принятия, исполнения и обеспечения действия нормативных правовых актов является открытым, справедливым и рациональным;

только лишь конституционным судом; 2) она не считает, что права гражданину предоставляются государством.

4) правосудие осуществляется компетентными, высокоморальными и независимыми судьями или нейтральной стороной, которые имеются в государстве в достаточном количестве, обладают адекватными ресурсами и отражают структуру общества, которому служат [Верховенство права... 2013].

Господину Силкинату эти принципы кажутся простыми и понятными. Ему трудно осознать, что для большинства российских государственных юристов они нуждаются в дополнительных разъяснениях.

Например, судей следует учить тому, что если в ходе судебного следствия доказательства обвинения оказались недостаточными, или не нашли своего подтверждения, или если защита привела доказательства, которые ставят виновность под сомнение и эти доказательства никем не были опровергнуты, то они обязаны руководствоваться конституционным принципом: неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого (ч. 3 ст. 49 Конституции РФ).

Российским судьям необходимо дополнительно пояснить, что они не могут не прибегать к делу доказательства, опровергающие позицию обвинения, не могут не осуществлять те процедуры, которые обязаны осуществлять в ходе судебного следствия для установления истины. Российский судья знает, что любой его оправдательный приговор будет поставлен под сомнение, многократно проверен и обжалован. Поэтому он манипулирует процессуальными нормами и пределами судебного усмотрения для вынесения наиболее безопасного для себя решения. Чтобы этого не было, российскому судье как минимум нужны дополнительные гарантии того, что любое его решение, основанное на законе, будет безопасно для его статуса. И, наоборот, он должен быть уверен, что понесёт ответственность за заведомо неправосудное решение и что эта «заведомость» будет предметом честного публичного доказывания.

Для господина Силкината невозможна ситуация, когда председатель суда требует от каждого судьи ежедневно докладывать ему о делах, находящихся в производстве. Особенно о тех, «где сторонами выступают органы государственной власти и должностные лица». Американскому юристу непонятно, как можно лишить статуса судью, который отвергает такое требование. Даже в самом страшном сне ему не может присниться, что председатель квалификационной коллегии судей заявит в суде, что судья не может быть независимым, потому что он — часть судебной системы [Гусева 2008].

В России же обычна практика, которая делает невозможным выполнение практически всех требований, названных господином Силкинатом. Например, во время избирательных кампаний избирательные комиссии отказывают в удовлетворении жалоб на нарушения избирательного законодательства и предлагают заявителям идти в суд. А суды либо не принимают доказательства и не назначают экспертиз, либо принимают решения без каких-либо оснований вопреки справедливости и здравому смыслу на основе «голового» судебного усмотрения. После этого избирательные комиссии заявляют, что суд не нашёл нарушений, и утверждают результаты нечестных и несправедливых выборов.

В итоге в силу порочности системы отбора происходит последовательное снижение компетентности представительных органов. Сформированный таким образом парламент, в свою очередь, манипулирует процедурами при принятии законов. Три чтения закона могут пройти за один день без обязательной рассылки законопроекта субъектам законодательной инициативы, а поправки голосуются без обсуждения по таблицам, заранее утверждённым ведущим комитетом «к отклонению» или «к принятию». Бывают случаи, когда вступление закона в силу назначается раньше предельно возможного срока и приурочивается к специальной дате, если это необходимо для реализации определённой политической цели³.

³ Например, Закон № 65-ФЗ (вводящий специальную ответственность за проведение публичных мероприятий) Государственная Дума утвердила без публичного обсуждения в течение двух месяцев, приняв его в третьем чтении накануне заявленного протестного митинга на беспрецедентном за всю историю работы палаты ночном заседании. Закон был одобрен Советом Федерации на следующий же день, что опять-таки абсолютно невозмож-

При такой процедуре невозможно обеспечить ясности, стабильности и справедливости нормативных правовых актов, что есть неперемное условие реализации принципа верховенства права. Поэтому самой неработающей нормой Конституции России является запрет на издание законов, отменяющих или умаляющих права и свободы человека и гражданина (ч. 2 ст. 55).

Но ведь не все суды и судьи в России таковы? Президент Федеральной палаты адвокатов России Евгений Семеняко утверждает: «Если в Европе над властью каждой страны стоят органы Евросоюза, его стандарты и принципы, то в России последний оплот защиты Конституции — Конституционный Суд» [Верховенство права... 2013]. Действительно, к кандидатам на должность судьи Конституционного Суда РФ закон предъявляет особые требования. В отличие от остальных судей, которые могут занимать должности лишь при наличии российского гражданства, высшего юридического образования и определённого юридического стажа, судьей Конституционного Суда назначается гражданин с безупречной репутацией, обладающий признанной высокой квалификацией в области права. Судья Конституционного Суда профессор Николай Бондарь уверен, что Конституционный Суд является соавтором российской доктрины верховенства права, что именно на основе его решений обеспечиваются понимание этой доктрины и баланс между властью, свободой и собственностью. Председатель Конституционного Суда Валерий Зорькин в течение ряда лет был членом Европейской (Венецианской) комиссии за демократию через право и покинул её лишь потому, что на заседаниях комиссии ему «все чаще приходилось высказываться о содержании правовых норм, которые затем попадают на рассмотрение Суда, а это запрещено законом» [Валерий Зорькин... 2013].

Так, может быть, хотя бы Конституционный Суд в России просто не действует по общему шаблону? Чтобы получить ответ на этот вопрос достаточно проанализировать действия Конституционного Суда РФ в ситуации, вызвавшей столь резкую реакцию международного сообщества — предельного обострения российско-украинских отношений после присоединения к России Республики Крым и города Севастополь.

Часть 2. Верховенство права и Крым

Обращаясь к крымской ситуации 2014 г., я должна оговориться — меня трудно обвинить в кримофобии. Я очень люблю Крым. Последние двадцать лет я читала лекции о статусе территорий, тяготеющих к России, в том числе о статусе Республики Крым. Все эти годы, будучи руководителем научной экспертной группы по этим территориям, писала и говорила о том, что Крым требует большей гибкости со стороны украинских властей и настойчивости со стороны российских политиков. Я направляла бумаги в Администрацию Президента РФ и ни разу не получила ответа.

И не я одна. Ещё в 1992 г. Верховный Совет России считал «необходимым урегулирование вопроса о Крыме путём межгосударственных переговоров России и Украины с участием Крыма»⁴. В связи с проведением 25 июня 1995 г. общекрымского референдума Государственная Дума предлагала «Правительству Российской Федерации предпринять необходимые шаги для активизации переговорного процесса с Украиной»⁵.

Именно поэтому мне крайне не понравилось то, как произошло присоединение Крыма к России в 2014 г. Почему вдруг сейчас? Ведь референдум в Крыму проходит не в первый

но с точки зрения процедуры. Но и этого оказалось мало. Вступление закона в силу произошло уникальным способом — в день опубликования, а не через десять дней после него, как это предусмотрено Законом «О порядке опубликования и вступления в силу Федеральных конституционных законов, Федеральных законов, актов палат Федерального Собрания».

⁴ Постановление Верховного Совета РФ от 21 мая 1992 г. № 2809-1 «О правовой оценке решений высших органов государственной власти РСФСР по изменению статуса Крыма, принятых в 1954 году».

⁵ Постановление Государственной Думы от 17 мая 1995 г. № 771-1 ГД в связи с обращением Республики Крым.

раз? 22 года молчали, а потом за 23 дня присоединили⁶? И почему только Крым? Ведь ещё в сентябре 2006 г. аналогичный референдум прошёл в Приднестровской Молдавской Республике: 97,1% избирателей проголосовали за присоединение к России [Приднестровье... 2014]. Крымская акция поставила под угрозу всю европейскую политику после Ялтинской конференции 1945 г., создала опасный прецедент государственного самопровозглашения, уже применённый в Восточной Украине, и больно ударила по экономике России.

В связи с этим хочется процитировать мнение выпускницы факультета международных отношений СПбГУ и МГИМО, известной российской журналистки Ксении Собчак: «Правда состоит в том, что российская внешняя политика на Украине была оглушительно провалена, и вместо дипломатических решений в ход пошло политическое мародёрство. Можно было бы даже забыть про „нравственность“ — её в политике любого государства всегда меньше, чем расчёта. Но ведь те экономические последствия, которые мы все на себе испытаем в ближайшие годы, будут ощутимы для каждого россиянина. В итоге оказывается, что наше государство совершило осуждаемый международным сообществом беспрецедентный политический акт ещё и без выгоды, а с ущербом для своей экономики. Крым должен БЫЛ стать частью России... Но эту историческую несправедливость нужно было решать годами переговоров с Украиной, выстраиванием отношений, дипломатическими торгами. А не воровать канделябр из горящего соседского дома, пусть даже этот канделябр был подарен вами по пьяни» [Собчак 2014].

Стремительная процедура присоединения Крыма и сопутствующий ей пропагандистский накал привели российское научное сообщество в состояние ступора. Однако чуть-чуть отдышавшись и посмотрев на случившееся незатуманенным взором, можно сделать вывод: всё это абсолютно вписывается в контекст общеправовой российской парадигмы. Именно присоединение Крыма к России является классическим примером нарушения принципа верховенства права путём интерпретации смыслов и манипуляции процедурами.

Особую роль в этой истории сыграл российский Конституционный Суд. Выполняя одно из главных действий, предусмотренных законодательством страны при принятии в её состав части иностранного государства, — проверку не вступившего в силу международного договора на соответствие Конституции, суд, как минимум, восемь раз нарушил свои собственные процедуры и неверно интерпретировал положения закона.

Итак, что же произошло? Для того чтобы это понять, нужно восстановить *хронику событий*.

По сообщениям информационных агентств⁷, в ночь с **26 на 27 февраля 2014 г.** группой неизвестных лиц было захвачено здание Верховного совета и Совета министров Автономной Республики Крым (далее — АРК). Над зданиями были подняты российские флаги. 27 февраля прекратилось сухопутное сообщение между Крымом и материковой Украиной. В тот же день Верховный совет АРК объявил о проведении референдума о статусе автономии и расширении её полномочий. Голосование было запланировано на **25 мая 2014 г.** Тогда ещё вопрос, вынесенный на референдум, не содержал положений, нарушающих территориальную целостность Украины. Целью референдума являлось «усовершенствование статуса АРК, чтобы права автономии были гарантированы при любых изменениях центральной власти или Конституции Украины».

1 марта президент России Владимир Путин запросил у Совета Федерации право на использование ограниченного военного контингента за пределами Российской Федерации и получил карт-бланш на введение войск на территорию Украины для «нормализации общественно-политической обстановки в этой стране». В этот же день дата референдума в Крыму была перенесена на **30 марта 2014 г.**

⁶ От момента захвата зданий государственных органов Автономной Республики Крым до её конституирования в качестве субъекта РФ прошло всего 23 дня, а от начала всенародного голосования в Крыму — шесть дней.

⁷ См., например: <http://www.interfax.ru/history/27/02/2014/>.

4 марта президент Путин заявил, что Россия не рассматривает вариант присоединения Крыма к России. «Только сами граждане, — сказал он — в условиях свободы волеизъявления могут и должны определять свое будущее».

6 марта власти АРК и города Севастополя объявили об изменении формулировки вопроса референдума и о переносе голосования **на 16 марта**. Референдум был проведён в назначенный день. По официально опубликованным данным, за воссоединение Крыма с Россией проголосовали 96,77% от числа участвовавших в референдуме.

17 марта, опираясь на результаты референдума, Верховный Совет АРК провозгласил Крым независимым суверенным государством — Республикой Крым, в которой город Севастополь имеет особый статус.

17 марта президент Путин подписал указ о признании Республики Крым в качестве суверенного и независимого государства. Одновременно Республика Крым обратилась к России с предложением о её принятии в состав Российской Федерации в качестве нового субъекта со статусом республики. Парламент Крыма в ускоренном порядке подготовил проект межгосударственного договора о вступлении в состав Российской Федерации.

18 марта Путин начал процедуру принятия Крыма в состав России. Он уведомил правительство и палаты парламента о предложениях Госсовета Крыма и Законодательного собрания города Севастополя о принятии в Российскую Федерацию и об образовании новых субъектов. Затем он одобрил и подписал межгосударственный Договор о принятии Крыма и Севастополя в состав России, в соответствии с которым в составе Российской Федерации образовывались новые субъекты — Республика Крым и город федерального значения Севастополь. В тот же день Путин направил в Конституционный Суд России запрос о проверке подписанного Договора на его соответствие Конституции РФ. Запрос был принят к рассмотрению немедленно без проведения публичных слушаний.

Утром 19 марта Конституционный Суд РФ признал Договор о присоединении Крыма соответствующим Конституции России.

19 марта президент Путин внёс Договор на ратификацию в Государственную Думу вместе с соответствующими проектами законов⁸.

20 марта Государственная Дума ратифицировала договор.

21 марта Совет Федерации ратифицировал договор. Путин подписал законы о присоединении Крыма и Севастополя к России. Договор вступил в силу.

21 марта в составе России образован Крымский федеральный округ и назначен полномочный представитель президента РФ в Крыму.

На первый взгляд, с точки зрения Федерального конституционного закона «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в её составе нового субъекта Российской Федерации» (далее — Закон «О принятии») процедура была соблюдена. Действительно, в состав России в качестве нового субъекта может быть принято иностранное государство — по взаимному согласию и в соответствии с международным договором. Республика Крым по итогам референдума объявила себя таким государством. Россия это государство признала. Был заключён международный договор. Конституционный Суд РФ проверил его на соответствие Конституции, а парламент ратифицировал с одновременным принятием соответствующего закона и автоматическим внесением поправки в Конституцию РФ. Казалось бы, всё гладко. В конце концов президент вполне мог отказаться от каких-либо дополнительных консультаций по вопросу о присоединении Крыма с парламентом или с правительством. Ничто не мешало ему попросить парламент собраться экстренно. Парламент же мог быть настолько убеждён в правоте этого решения, что не стал ничего обсуждать (это подтверждают результаты голосования при ратификации договора). Так иногда бывает.

⁸ Проект Федерального конституционного закона о создании новых субъектов Российской Федерации и проект закона о поправке в ст. 65 Конституции России.

Но вот процесс проверки Конституционным Судом РФ Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов (далее — Договор) вызывает вопросы, потому что это центральный юридически значимый момент всей процедуры. В соответствии с ч. 2 ст. 91 Закона «О принятии», «международный договор не подлежит введению в действие и применению, то есть не может быть ратифицирован, утверждён и не может вступить в силу для Российской Федерации иным образом, если Конституционным Судом установлено его несоответствие Конституции».

Да, конечно, Конституционный Суд России оказался в сложном положении. На вынесение решения ему была отведена всего одна ночь. Он оказался перед выбором — остаться в рамках правового поля или пойти на поводу у ситуации. Поэтому постановление Конституционного Суда, изготовленное им в ночь с 18 на 19 марта 2014 г., заслуживает специального внимания.

Нарушение первое. Недопустимость запроса. Весьма сомнительны как правомерность принятия Судом к производству запроса о проверке Договора, так и возможность рассмотрения этого дела вообще. Статья 36 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее Закон «О Конституционном Суде») предусматривает только одно основание для рассмотрения дела: «обнаружившаяся неопределённость в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации не вступивший в силу международный договор». Статья 89, которая так и называется «допустимость запроса», предполагает возможность проверки международного договора только в случае, когда он подлежит ратификации (ч. 1), а «заявитель считает его не подлежащим введению в действие и применению в Российской Федерации из-за его несоответствия Конституции Российской Федерации» (ч. 2). Но никакой неопределённости в Договоре обнаружено не было. Президент, обратившийся с запросом в Конституционный Суд, не считал Договор неконституционным. Следовательно, сам запрос был недопустимым, и Конституционный Суд не мог принять его к рассмотрению.

Причина коллизии понятна. Федеральные конституционные законы «О Конституционном Суде» и «О принятии» принимались с большой разницей во времени (1994 и 2001 гг.), и депутаты попросту забыли адаптировать один к другому. Сам же Конституционный Суд, будучи полноправным субъектом права законодательной инициативы по «вопросам собственного ведения», тоже «проспал» ситуацию конфликтной коллизии двух конституционных законов. Но процедура есть процедура. И Суду пришлось «выкручиваться» из сложившейся ситуации прямо в решении⁹. Почти на двух страницах его текста (п. 1) обосновывается, почему всё-таки Суд в нарушение Закона стал рассматривать это дело. Суд честно признался, что в запросе ничего не было сказано о неконституционности Договора, что вопреки процедуре при оценке Договора отсутствовала спорящая сторона и что «полной процессуальной идентичности» данной ситуации с другими случаями факультативного конституционного контроля» обнаружить не удалось. В итоге Суд пришёл к выводу: проверка Договора является всего лишь «неотъемлемой частью юридического состава государственно-властного решения», а потому — его обязанностью. То есть если нельзя, но очень хочется, то можно.

Нарушение второе. Невыполнение обязательной процедуры рассмотрения. Конституционный Суд провёл проверку Договора, не выполнив требований ст. 41 и 49 Закона «О Конституционном Суде». Надо отдать должное Суду — в своем постановлении он признал, что при проверке Договора была нарушена предусмотренная законом обязательная процедура рассмотрения дел. Суд констатировал, что «обязан рассмотреть дело по существу, не при-

⁹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2014 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов».

бегая в данном случае, *с учётом специфики настоящего дела*, к процедурам предварительного изучения обращения судьёй Конституционного Суда и проведения слушаний по делу». И если рассмотрение дела без проведения слушаний в принципе возможно (ст. 47.1), то без предварительного тщательного изучения вопроса Закон это делать не позволяет. Но, как мы знаем, для вынесения решения Суду была дана всего одна ночь. Какое уж там предварительное изучение и назначение судьи-докладчика. Хотя в условиях цейтнота Суд вполне мог воспользоваться ч. 2 ст. 42 Закона «О Конституционном Суде», которая даёт ему возможность обратиться к соответствующим органам и должностным лицам с предложением о приостановлении процесса вступления в силу оспариваемого международного договора Российской Федерации до завершения рассмотрения дела. Мог, но не воспользовался. Зачем? Ведь всё и так уже решено «с учётом специфики настоящего дела».

Третье, четвёртое и пятое нарушения касаются обязательных пределов проверки Договора. Закон «О Конституционном Суде» (ст. 86 и 90) устанавливает обязательные пределы проверки не вступившего в силу международного договора Российской Федерации на его соответствие Конституции. В Законе сказано, что Суд обязан проверить договор 1) по содержанию норм; 2) по форме; 3) по порядку подписания, заключения, принятия, опубликования или введения в действие. Кроме этого, Закон требует, чтобы Конституционный Суд принимал решение по делу, «оценивая как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов» (ч. 2 ст. 74).

Проанализировав постановление Суда от 19 марта 2014 г. с позиции этих обязательных требований, можно утверждать: Суд самоустранился от проверки Договора по целому ряду обязательных параметров.

Конституционный Суд самоустранился от оценки Договора по содержанию его норм на предмет их соответствия основам конституционного строя России. В тексте Договора сказано, что Российская Федерация заключает его «в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, а также осознавая тесную взаимосвязь других основных принципов международного права, закреплённых, в частности, в Уставе Организации Объединённых Наций и Хельсинкском Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, с принципом уважения и соблюдения прав и свобод человека...» [Договор между РФ и РК... 2014]. Был ли должен Суд проверить истинность данного положения? Да, был. Но не проверил.

А ведь именно Хельсинкский заключительный акт СБСЕ 1975 г., на котором базируется вся система европейской безопасности и на который ссылается Договор, чётко закрепляет, что государства, его подписавшие (в том числе и Россия как правопреемница СССР), должны уважать территориальную целостность и нерушимость границ друг друга и никоим образом их не подрывать. Меморандум о поддержании мира и стабильности в СНГ 1995 г. гласит, что члены Содружества обязуются не поддерживать на территории друг друга сепаратистские движения, а также сепаратистские режимы, если таковые возникнут, не устанавливать с ними политических, экономических и других связей, не допускать использования ими территорий и коммуникаций государств — участников СНГ, не оказывать им экономической, финансовой, военной и другой помощи. «Ничто не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов», — разъясняет принципы территориальной целостности и права народов на самоопределение, закреплённые в Уставе ООН, Декларация Генеральной Ассамблеи «О принципах международного права» 1970 г. В контексте именно этих документов должна была проводиться проверка Договора по содержанию, потому что они являются действующими международно-правовыми обязательствами России.

Отказавшись от анализа содержания Договора по существу, Суд не проверил его и на предмет соответствия ч. 2 и 4 ст. 15 Конституции РФ. В этой статье говорится, что «общеизвестные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью её правовой системы». Конституционный Суд неоднократно подтверждал это в своих решениях: «В соответствии с принципами правового государства, закреплёнными Конституцией Российской Федерации, органы власти в своей деятельности связаны как внутренним, так и международным правом. Общеизвестные принципы и нормы международного права и международные договоры являются согласно статье 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации составной частью её правовой системы и должны добросовестно соблюдаться»¹⁰.

Из этого следует, что если не вступивший в силу международный договор противоречит другим международным обязательствам, взятым на себя Россией, заключённым ранее и не денонсированным к моменту проверки, то он обязательно должен быть проверен на соответствие этим обязательствам. Более того, Конституционный Суд не мог игнорировать неизбежные последствия ратификации Договора: принятие внутренних законов России, которые, вполне соответствуя «проверенному» договору, окажутся в антагонистическом противоречии с иными договорами.

Но, оказывается, в ситуации с Крымом эти нормы не работают. В своём постановлении Суд указал: «Поскольку в силу части третьей статьи 3 Федерального конституционного закона „О Конституционном Суде Российской Федерации“ Конституционный Суд Российской Федерации решает исключительно вопросы права, он не оценивает политическую целесообразность заключения международного договора». То есть в одних случаях международное право признается важнейшей правовой основой конституционного строя России, а в других подчиняется политической целесообразности. Так элегантно путём умышленной подмены Суд смог обойти сложную конъюнктурную ситуацию.

Конституционный Суд самоустранился от оценки Договора по форме. В своём постановлении Суд умышленно исключил из предмета проверки Договора «анализ документов, на которые такой договор ссылается в качестве своей основы». Понятно, что в данной ситуации для Суда это был единственный выход: если бы документы были изучены, Суд вряд ли смог бы признать Договор соответствующим Конституции.

Во-первых, Договор основан на Декларации о независимости Республики Крым, главной правовой позицией которой является апелляция к решению Международного суда ООН по Косово. В Декларации так прямо и сказано: «Принимая во внимание подтверждение Международным судом ООН в отношении Косово от 22 июля 2010 года того факта, что одностороннее провозглашение независимости частью государства не нарушает какие-либо нормы международного права... мы принимаем решение» [Рада Крыма... 2014]. Но такая апелляция недобросовестна. *Во-первых*, потому, что Международный суд правомочен давать всего лишь рекомендательное мнение по поступившему запросу. Вердикт Международного суда ООН так и называется — Консультативное заключение Международного суда по Косово. И хотя многие сегодня считают этот документ едва ли не международной санкцией на сецессию, тогда — 22 июля 2010 г. — судебная инстанция ООН вообще не обсуждала законность или не-

¹⁰ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-п «По делу о проверке конституционности указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 „О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики“, Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооружённых формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооружённых формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа», Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 «Об основных положениях военной доктрины Российской Федерации».

законность этнополитической сецессии или право наций на самоопределение как принцип. К этому моменту 69 из 192 стран — членов ООН признали Косово в качестве независимого государства. При этом независимость Косово до сих пор не признается ООН в целом, потому что два постоянных члена Совета Безопасности (Россия и Китай) категорически выступают против одностороннего самоопределения бывшего автономного края в составе Сербии. Даже в Европе отсутствует консенсус относительно признания бывшего автономного края Сербии независимым образованием (пятью странами — членами ЕС — Испанией, Грецией, Румынией, Кипром и Словакией — в таком качестве Косово не признано) [см.: Голубок 2011; Маркедонов 2010]. Заметьте — **именно Россия категорически не признает** решения Международного суда по Косово! Но именно это решение и лежит в основе всех документов о присоединении к России Крыма. И Конституционный Суд не может этого не знать.

Во-вторых, основанием для заключения договора является признание Россией Республики Крым независимым государством. 17 марта 2014 г. Президент РФ подписал Указ № 147 «О признании Республики Крым», в котором сказано: «Учитывая волеизъявление народов Крыма на общекрымском референдуме, состоявшемся 16 марта 2014 г., признать Республику Крым, в которой город Севастополь имеет особый статус, в качестве суверенного и независимого государства». Но народы Крыма изъявили свою волю совсем по другому поводу. На общекрымский референдум были вынесены два вопроса: «Вы за воссоединение Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации?» и «Вы за восстановление действия Конституции Республики Крым 1992 года и за статус Крыма как части Украины?». Ни слова о независимости. Должен был Конституционный Суд проверить это правовое основание? Или оно снова подпадает под определение правовой (политической) целесообразности?

Конституционный Суд самоустранился от оценки Договора по порядку его подписания. Судом проверялись только полномочия российской стороны и без того очевидные. Суд констатировал, что Договор «подписан Президентом Российской Федерации, который наделен полномочием определять в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами основные направления внутренней и внешней политики государства». «Исходя из этого подписание рассматриваемого Договора Президентом Российской Федерации соответствует Конституции Российской Федерации». Больше ничего не исследовалось, хотя предмет для такого исследования был.

Со стороны Крыма Договор был подписан главой правительства Крыма Сергеем Аксеновым, спикером крымского парламента Владимиром Константиновым и главой (мэром) г. Севастополь Алексеем Чалым. Однако статус города Севастополя в составе Украины вообще не предполагал наличия выборного мэра. Так называемый «народный» мэр — гражданин России Алексей Чалый был избран жителями на митинге. То есть на момент его избрания пост мэра не был предусмотрен Конституцией Украины. Но если бы и был, данное лицо не могло быть на этот пост избрано по причине наличия у него гражданства иностранного государства¹¹.

Не меньше вопросов возникает и к процедуре избрания председателем правительства Крыма Сергея Аксенова. По Конституции Украины (ст. 136) предусматривается обязательное согласование кандидатуры на этот пост с президентом Украины. Когда 27 февраля 2014 г. здание Верховного Совета Крыма было занято отрядом неизвестных вооружённых лиц в камуфляжной форме, захватившие пустили внутрь группу депутатов, **предварительно отобрав у**

¹¹ Алексей Михайлович Чалый исполнял обязанности губернатора Севастополя в течение всего двух недель. 1 апреля он был назначен на этот пост депутатами законодательного собрания Севастополя (бывшего городского совета), которые единогласно поддержали его кандидатуру. Такое решение не соответствовало российскому законодательству, согласно которому и. о. губернатора назначает президент. Однако в тот же день было заявлено о том, что действующая система исполнительной власти в Севастополе просуществует не дольше месяца, а новый устав города будет принят до конца апреля — в нем назначение и. о. губернатора приводилось в соответствии с российской практикой.

них средства мобильной связи. По словам спикера Верховного Совета Крыма В.А. Константинова, ему звонил В.Ф. Янукович, которого парламентарии считали президентом Украины, и устно согласовал кандидатуру Аксенова. Как? По отобранному телефону?

Депутаты избрали Аксенова премьером нового правительства (постановление № 1656–6/14). Правда, видеофиксация заседания не велась, журналисты на него допущены не были. Согласно официальному заявлению пресс-службы Верховного совета, за это решение проголосовали 53 депутата. По данным «ZN.UA», поначалу в зале действительно находились 53 депутата, но некоторые из них покинули заседание. Более того, при рассмотрении вопроса об отставке прежнего премьера А.В. Могилева и о назначении на этот пост С.В. Аксенова разгорелся скандал, и группа депутатов отказалась принимать участие в голосовании. Депутат С.В. Куницын отмечает, что в момент голосования в зале находилось всего 47 человек при кворуме в 51. По сообщениям некоторых депутатов, среди «проголосовавших» обнаружилась фамилия не только не голосовавших, но и отсутствовавших.

Возникает вопрос: если полномочия двух из трех подписантов столь сомнительны, могли Конституционный Суд признать Договор соответствующим Конституции РФ по порядку подписания? Иначе получается, что проверка по форме подписания касалась не вопросов права, а проблемы правильности чернил, которыми Договор был подписан.

Нарушение шестое. При проверке конституционности Договора по порядку его введения в действие Конституционный Суд РФ применил правовую интерпретацию во имя достижения заранее определённой цели. В Договоре (ст. 10) сказано, что он «временно применяется с даты подписания и вступает в силу с даты ратификации», а Республика Крым считается принятой в состав Российской Федерации с даты подписания Договора (п. 1 ст. 1). Суд признал эти положения соответствующими Конституции и попытался предельно подробно это обосновать (п. 3 постановления). В обосновании фигурирует и Венская конвенция о праве международных договоров, допускающая такую возможность¹², и ссылка на собственную правовую позицию¹³. Вроде бы всё убедительно и правильно. Но почему-то не упоминается ч. 2 ст. 65 Конституции России, в данном случае отсылающая Суд к специальному конституционному Закону, которым он должен руководствоваться при оценке Договора.

А Закон как раз устанавливает жёсткое правило именно для такого вида международных договоров, как договоры о принятии иностранного государства в состав России в качестве её субъекта. В нем (ч. 2 ст. 91 Закона «О принятии») однозначно определено: **«Международный договор не подлежит введению в действие и применению, то есть не может быть ратифицирован, утверждён и не может вступить в силу для Российской Федерации иным образом, если Конституционным Судом установлено его несоответствие Конституции».** То есть до решения Суда такой договор применяться не может. И Суд это понимал — настолько хорошо, что даже не использовал свою любимую формулу для скользких политических ситуаций: он рассматривает исключительно вопросы права. Суд прямо заявил: «То, что Республика Крым считается принятой в Российскую Федерацию с даты подписания Договора, носит характер принципиального политического волеизъявления».

Нарушение седьмое. Конституционный Суд РФ принял решение вопреки своей собственной правовой позиции. Ещё в 1995 г. при проверке конституционности указов Президента Ельцина по использованию вооружённых сил в Чечне Конституционный Суд заявил,

¹² Применение международного договора возможно до его вступления в силу, если это предусмотрено в договоре или если об этом была достигнута договорённость со сторонами, подписавшими договор (п. 1 ст. 25 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г., участником которой является Российская Федерация и который, по существу, воспроизведён в ст. 23 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»). Допустимость такой правовой конструкции подтверждена и Конституционным Судом РФ в постановлении от 27 марта 2012 г. № 8-П.

¹³ Суд ссылается на постановление от 27 марта 2012 г. № 8-П, в котором, в частности, указано, что временное применение международного договора используется Российской Федерацией в практике межгосударственного общения, как правило, в случаях, когда предмет договора представляет особый интерес для его участников.

что государственная целостность является «одной из основ конституционного строя Российской Федерации», что «Конституция Российской Федерации не предусматривает возможности одностороннего решения вопроса об изменении статуса субъекта Российской Федерации и о его выходе из состава Российской Федерации»¹⁴. А раз так, то в силу принципов добросовестности и последовательности, Россия обязана была уважать и право Украины на территориальную целостность.

Эта правовая позиция никем не была оспорена и не подверглась корректировке самим Судом. А значит была обязательна для исполнения. Статья 6 Закона «О Конституционном Суде» гласит: «Решения Конституционного Суда Российской Федерации обязательны на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и *судебных органов* государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений».

Нарушение восьмое. Проблема Севастополя. Это, пожалуй, один из самых важных вопросов — откуда в Договоре о присоединении Республики Крым взялся город Севастополь и каковы правовые основания его присоединения к России?

Как мы помним, в состав России в качестве нового субъекта могло быть принято иностранное государство. И если Автономная Республика Крым имела достаточное количество государственных признаков, чтобы самоопределиться, самопровозгласиться и быть признанной в качестве независимого иностранного государства¹⁵, то город Севастополь сделать этого не мог никаким образом. Потому что не входил ни в Крымскую область на момент разрушения СССР, ни в Автономную Республику Крым на момент проведения общекрымского референдума.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 октября 1948 г. № 761/2 Севастополь был выведен из состава Крымской области и стал городом республиканского подчинения. Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 февраля 1954 г. «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР» *передавалась Крымская область, а не Крымский полуостров*. Севастополь к этому моменту уже шесть лет как не числился в её составе. Передача Севастополя Украине состоялась в результате заключения 19 ноября 1990 г. двустороннего договора между Украиной и Россией, в котором стороны отказывались от взаимных территориальных притязаний. Впоследствии этот принцип был закреплён в договорах и соглашениях между государствами СНГ. Об особом статусе города Севастополь в составе АРК говорилось лишь в тексте Конституции Республики Крым 1992 г., вопрос о возврате к которой не получил поддержки большинства на общекрымском референдуме 16 марта 2014 г.

То есть на момент подписания Договора, Севастополь не являлся иностранным государством и не мог быть принят в состав России по тем же правилам, что и Республика Крым. Для таких случаев в Законе «О принятии» (ч. 2 ст. 4) предусмотрена совсем другая процедура: «Принятие в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта части иностранного государства осуществляется по взаимному согласию Российской Федерации и данного иностранного государства в соответствии с международным (межгосударственным) договором, заключённым Российской Федерацией с данным иностранным государством».

Здесь, как и в случае с доратификационным временным применением Договора, Конституционный Суд РФ должен был руководствоваться прямой конституционной отсылкой: «Принятие в Российскую Федерацию и образование в её составе нового субъекта осуще-

¹⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-п.

¹⁵ В современном международном праве предусмотрена теоретическая возможность возникновения новых независимых государств в результате признания права определённого народа на самоопределение и создание собственного государства при наличии признания со стороны мирового сообщества государств угрозы для существования данного народа, в случае продолжения нахождения его в рамках государства, не соблюдающего принцип равноправия и самоопределения народов.

ствляется в порядке, установленном федеральным конституционным законом» (ч. 2 ст. 65 Конституции). Чтобы установить соответствие Договора Конституции, Суд был обязан проверить его на соответствие Закону «О принятии». Но не сделал этого. А если бы сделал? Может быть, тогда по-другому пошла бы история? Когда нарушение наших внутренних законов касается только нас самих, это ещё полбеды. В конце концов, это наше внутренне дело. Да и то не всегда. Вопросы соблюдения прав человека давно уже вынесены на международный уровень. Но в данном случае ситуация иная: нарушение внутреннего законодательства нанесло ущерб людям и государствам за пределами России. И сделал это один из высших судов страны.

Часть 3. Цивилизационная проблема?

Сейчас много говорят и пишут о том, что причина противостояния России и её вчерашних международных партнёров коренится в поразившем мир цивилизационном разломе, в котором Россия оказывается за рамками системы европейских достижений и ценностей [Хантингтон 2003]. Цивилизационно-историческая типология — теория, безусловно, красивая. Звучит она достойно и убедительно. Настораживает только тупиковая простота: с её помощью можно без труда обосновать практически любые поведенческие странности. А так не бывает. Нет сомнений, что исследовать цивилизационные модели необходимо — они помогают тоньше и глубже познавать мир. Но объяснять всё непреодолимыми культурно-генетическими различиями нельзя. Ведь нет никаких достоверных доказательств того, что в силу культурно-исторических особенностей какой-то народ не может воспринять и применять достижения человеческой мысли и опыт других народов.

Фатальная «загнанность» в цивилизационные модели искусственна. Это всего лишь удобный пропагандистский приём для обоснования отказа от развития или для сокрытия истинной причины такого отказа. Не случайно разговоры о цивилизационной особости России зазвучали с новой силой именно тогда, когда она естественным путём стала переходить к европейской модели развития. Российские граждане начали понимать, что государство — не сакральная сущность, данная им свыше, а всего лишь содержащийся на их собственные налоговые отчисления аппарат, предназначенный для выполнения определённых ими же общественно значимых функций. Очевидно: пока государство продолжает быть субъектом, осуществляющим полномочия верховного собственника, гражданское общество как контролёр и участник принятия государственно-властных решений будет встречать его отчаянное сопротивление. Один из ведущих российских теоретиков права В. Четвернин утверждает: «Российские правящие группы объективно не заинтересованы в модернизации и становлении индустриального общества, особенно — частной собственности, поскольку при таком развитии они утратят господствующее положение. Демократия будет иметь лишь внешние атрибуты. А элита объяснит ужесточение контроля над страной необходимостью защищать национальные ценности от враждебного зарубежного влияния» [Четвернин 2008]

То есть проблема вовсе не в разнице цивилизаций. Как только в России начали меняться общественный запрос к государству и взгляды людей на его природу, назначение и место в обществе, возникла реальная угроза для власти. А поскольку изменения появились вследствие действия комплекса конкурентных факторов (*конкуренции бытия, смыслов, информации и глобализации*¹⁶), закономерной защитной реакцией государства стала борьба с этими

¹⁶ *Конкуренция бытия* — более двух десятилетий открытости государства, обеспечившего населению возможность видеть и сравнивать. *Конкуренция смыслов* — доступ к альтернативной, а не только к официально рекомендуемой литературе (художественной и научной), позволивший выросшим за эти годы поколениям научиться думать и анализировать. *Конкуренция информации* — информационное общество, позволяющее людям не только избегать участи постоянного объекта государственной пропаганды, не только иметь свою точку зрения, но инициировать собственную дискуссию по любому вопросу, минуя разрешительную систему и само-

факторами. Первые удары были нанесены по СМИ, Интернету и образованию — по школьным программам и учебникам, чтобы устранить конкуренцию информации и конкуренцию смыслов. А потом под видом ответа на международные санкции взялись за конкуренцию бытия, ограничив международный обмен, усложнив выезд граждан за пределы страны, удалив с полок магазинов образцы, свидетельствующие о серьёзных конкурентных преимуществах их производителей.

Но кое-что от цивилизационной проблематики здесь всё-таки есть. Дело, однако, не в разных типах цивилизаций, а в **разнице между цивилизацией и варварством**. Потому что в современном мире водораздел между ними проходит по отношению людей к праву. В условиях, когда государство всё больше становится услугой, качество которой оценивает общество, именно право выступает той всеобщей цивилизационной ценностью, о сохранении и развитии которой заботятся все вместе. Право — это не просто перечень правил, а основанный на международной морали мирного сосуществования набор стандартов, о котором общества и государства договорились. Они возвели эти стандарты в закон, обеспечили специальными процедурами, и каждый со своей стороны обязался их соблюдать под контролем и во взаимодействии друг с другом.

Парадокс, но точнее всего эту мысль выразил председатель Конституционного Суда России Валерий Зорькин. В своей статье «Цивилизация права» он писал: «И большинство человечества договорилось о следующем. Проводим честные выборы. Принимаем в качестве лидера того, кому доверяет большинство. Ограничиваем этого лидера рамками закона. И живём до следующих выборов. Человечеству, уставшему от двух мировых войн, напуганному перспективой третьей мировой войны, возжелавшему элементарного покоя и радостей частной мирной жизни, показалось, что можно добиться стабильности на основе такого простейшего общественного договора. Так в итоге была построена — на основе огромных жертв, методом кровавых проб и страшных ошибок — цивилизация права» [Зорькин 2014].

Все верно. Россия тоже попыталась пойти по этому пути. Но практически сразу на нем появились две формализованные правом оговорки, которые обусловили неизбежный поворот в сторону: «как бы» честные выборы и невозможность ограничить законом лидера. И ничего не вышло. Потому что право — это сбалансированная многомерная система. В ней нет мелочей, которыми можно безболезненно пренебречь или пожертвовать без угрозы для системы в целом.

Стоит только добавить, что в оценке действий России госпожа Меркель немного ошиблась в датах. Несвязанность властителей своими же законами — это не «закон джунглей образца XIX–XX вв.». Такая несвязанность обосновывалась ещё в IV в. до н. э. в китайской книге «Шан цзюнь шу» («Книга правителя области Шан»): «Если право погибает, то мир окажется у края бездны» [Нерсисянц 2004: 324]. И председателю Конституционного Суда России — специалисту по истории политических и правовых учений профессору Валерию Зорькину — это, безусловно, хорошо известно. Во многом благодаря действиям возглавляемого им суда мы уже оказались на краю. Неспособность давать оценку, исходя из верности духу права и духу цивилизации, на этом праве построенной, — это варварство. А варварство лечится. Не мгновенно, но лечится. Довольно просто. Образованием и культурой.

Анализируя сегодняшние разногласия России с международным сообществом, уместно вспомнить старую буддистскую притчу, повествующую о том, как жители одной деревни попросили Будду переубедить слепого, который не верил в существование света. Ссылаясь на

цензуру официальных СМИ. **Конкуренция глобализации** — унификация ряда ценностей на основе их конкурентных преимуществ, оценённых человечеством и превращённых в межгосударственные стандарты. Несмотря на большие разночтения и антагонистические оценки глобализации в российской науке, все исследователи тем не менее сходятся в одном — современный период представляет собой всемирный (а не только российский) этап огромной трансформации, который затрагивает самые разные аспекты человеческой жизни — от технологии производства и управления до правосудия и индивидуальных ценностей.

то, что ему не могут привести ни одного неоспоримого доказательства такого существования, слепой был настолько убедителен в своих рассуждениях, что даже те, кто абсолютно точно знал, что свет существует, подпали под его влияние. Будда не стал переубеждать слепого, а попросил лекаря вылечить его. Когда через полгода слепой прозрел, Будда предложил ему поспорить о свете. Но спор не состоялся. Потому что они уже принадлежали к одной реальности.

Баренбойм П.Д. 2011. *Концепция Зорькина — Танчева о соотношении современных доктрин верховенства права и правового государства*. — Доступно: http://www.philosophicalclub.ru/?an=Varenboim_-_Kontsepsiya_Zorkina-Tancheva. — Проверено: 18.12.2015.

Валерий Зорькин... 2013. Валерий Зорькин воспользовался конституционным правом. — *Коммерсант*. — 24 мая. — Доступно: <http://www.kommersant.ru/doc/2195731>. — Проверено: 18.12.2015.

Верховенство права... 2013. Верховенство права vs. верховенства закона?: О правовых регуляторах, правовых барьерах и конституционном правосудии. — *Новая адвокатская газета*. — № 21 (158).

Голубок С.А. 2011. О соответствии международному праву односторонней декларации независимости Косово: Консультативное заключение Международного суда ООН от 22 июля 2010 г. — *Международное правосудие*. — № 1.

Гусева Е. 2008. Я федеральный судья, а не продавщица — *Новая газета*. — 22 декабря.

Доклад... 2011. Доклад «О верховенстве права», утверждённый Европейской комиссией за демократию через право (Венецианская комиссия) на 86-й пленарной сессии (Венеция, 25–26 марта 2011 г.). — Страсбург. — 4 апреля.

Договор между РФ и РК... 2014. Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов. — *Российская газета*. — № 6334 (62). — 19 марта. — Доступно: <http://rg.ru/2014/03/18/krim-site-dok.html>. — Проверено: 18.12.2015.

Зорькин В.Д. 1978. *Позитивистская теория права в России* — М.: Изд-во Моск. ун-та.

Зорькин В.Д. 2011. *Конституционно-правовое развитие России*. — М.: Норма: Инфра-М.

Зорькин В.Д. 2014. Цивилизация права. — *Российская газета*. — 12 марта.

Коркунов Н.М. 1898. *Сборник статей: 1877–1897*. — СПб.: Н.К. Мартынов.

Маркедонов С. 2010. Косово: Декларации или политическая реальность? — *Ноев ковчег*. — № 09 (156). — Доступно: <http://noev-kovcheg.ru/mag/2010-09/2195.html>. — Проверено: 18.12.2015.

Меркель... 2014. Россия действует на Украине по «закону джунглей». — *Ведомости*. — 2014. — 13 марта. — Доступно: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2014/03/13/merkel-ros-siya-dejstvuet-na-ukraine-po-zakonu-dzhunglej>. — Проверено: 18.12.2015.

Нерсесянц В.С. 2004. *История политических и правовых учений*. — М.: Норма.

Нерсесянц В.С. 2002. Философия права: Либертарно-юридическая концепция. — *Вопросы философии*. — № 3. — С. 3–15.

Обама прокомментировал... 2014. Обама прокомментировал высказывания Путина по Украине. — *РИА Новости*. — Доступно: <http://ria.ru/world/20140304/998156375.html>. — Проверено 18.12.2015.

Приднестровье... 2014. Приднестровье попросилось в состав России. — *Lenta.RU*. — 18 марта. — Доступно: <http://lenta.ru/news/2014/03/18/transnistria>. — Проверено: 18.12.2015.

Рада Крыма... 2014. Рада Крыма приняла «декларацию независимости». — *Информационное агентство «УНИАН»*. — 11 марта. — Доступно: <http://www.unian.net/politics/895069-rada-kryima-prinyala-deklaratsiyu-o-nezavisimosti.html>. — Проверено: 18.12.2015.

Собчак К. 2014. *Открытое письмо Никите Михалкову*. — Доступно: <http://www.snob.ru/profile/24691/blog/80450>. — Проверено: 18.12.2015.

Тихомиров Ю.А. 2010. *Правовое регулирование: Теория и практика*. — М.: Формула права.

Четвернин В.А. 2008. *Исторический прогресс правовой свободы и цивилизационно-историческая типология*. — Доступно: <http://teoriaprava.hse.ru/nersesyants-conference/3/57-chetvernin-abstracts>. — Проверено: 18.12.2015.

Четвернин В.А. 2009. *Лекции по теории права и государства: Аудиокнига*. — Доступно: <http://www.teoria-prava.ru.lgb.ru/>; <http://audio-booki.ru/tiching/15351-vladimir-chetvernin-lectii-po-teorii-prava-i-gosudarstva-audiokniga.html>. — Проверено: 18.12.2015.

Хантингтон С. 2003. *Столкновение цивилизаций*. — М.: ООО «Изд-во АСТ».